

МУЖСКОЙ ЖУРНАЛ
РУССКОЕ ИЗДАНИЕ

Esquire

ОКТЯБРЬ 2020

КРИСТОФ

ВАЛЬЦ

+
РЕПОРТАЖИ
ИЗ БОЙЦОВСКОГО КЛУБА,
МИНСКА И ТЮРЬМЫ
ГУАНТАНАМО

ДЖОНА
ЛЕННОНА

ПРАВИЛА

ОСКАРА
УАЙЛЬДА

ЖИЗНИ

ИЛЬИ
ИЛЬФА

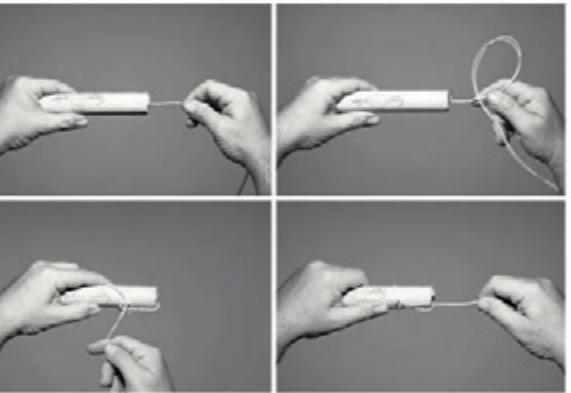
И

Ф

Записал Алексей Поляринов

Фотограф Андрея Ботто

Прежде чем выпустить свой дебютный роман «Центр тяжести», Алексей Поляринов написал десятки критических эссе на произведения важнейших авторов современности от Кадзуо Исигуро до Ханы Янагихары (позже они вышли отдельным сборником) и стал апостолом Esquire. Специально для этого номера Поляринов предоставил отрывок из своего нового романа «Риф», который появится на полках магазинов этой осенью.

— Знаешь, что самое ужасное в научных текстах? Их кабинетность. Иногда читаешь текст и прямо чувствуешь, что его автор в процессе написания старательно не выходил из комнаты. Не работал «в поле». Прости, если это грубо, но в твоей работе я чувствую именно это: изучение ритуалов для тебя — это цитаты из Тернера, ван Геннепа и Леви-Страсса, не более. Пойми меня правильно: глава, где ты описываешь опыты с МРТ, — лучшая в твоем тексте. А почему? Да потому что там видно, как тебя это заводит. И на контрасте с ней главы о ритуалах выглядят уныло. Ну смотри, что это? Цитаты, цитаты, цитаты.

Ли сидела опустив голову, словно ее отчитывали. Пожала плечами.

— Вы что, предлагаете мне ритуал провести?

— Неплохая идея, но нет. Ты пишешь о ритуалах так, словно это какая-то архаичная практика, словно их совершают только карикатурные пигмеи из колониальных романов. Сильные и давно устоявшиеся ритуалы есть в любой замкнутой системе, даже в нашем кампусе. Идем.

Они вышли из «Лицей» и направились в сторону ботанического сада. Занятия уже закончились, и в саду на подстриженном газоне лежали с книжками или группами сидели студенты. Среди деревьев в саду особенно выделялся огромный тополь. Гарин указал на него:

— Ты уже слышала об этом тополе?

Ли кивнула. Каждый студент знал легенду о тополе. ↵

«

Линкольна – самом старом дереве на территории университета. По легенде университет будет процветать, пока тополь жив. У студентов было поверье, что если прийти к тополю вечером, на закате, крепко обнять его и простоять в обнимку до самого рассвета, то отчисление тебе не грозит – тополь защитит тебя.

– Каждый год хотя бы один студент проводит ночь в обнимку с тополем, – Гарин посмотрел на нее. – Почему ты улыбась? Тебе это кажется глупым?

Ли пожала плечами.

– То есть я правильно понимаю, что ты полагаешь, будто студенты, которые приходят просить у тополя защиты, – просто суеверные дурачки? Тогда скажи мне, чем они отличаются от тебя – ведь ты тоже провела целую ночь в пустыне «в обнимку» с громоотводами.

Ли не верила ушам – он действительно сравнил шедевр ленд-арта с деревом?

– «Поле молний» – сложное и тщательно продуманное произведение искусства, оно создано с определенной целью, а это просто тополь, – сказала она.

– Каждый называет варварством то, что ему неприлично. Это ведь зависит от ракурса, разве нет? Если закрыть глаза на предысторию, то «Поле молний» – это просто четыреста стальных стержней, не более. Где разница? В какой момент обыкновенный бытовой предмет, например сушилка для бутылок, становится произведением искусства? Почему ты считаешь, что студенты, просящие у тополя защиты, – суеверные дурни, а люди, которые платят деньги, чтобы увидеть стальные штыри в пустыне, – ценители высокого искусства? Ведь в обоих случаях мы имеем дело с ритуальным мышлением.

Ли молча смотрела на огромное дерево.

– Хорошо, – продолжил Гарин, – а если я скажу тебе, что все, абсолютно все студенты, которые провели ночь в обнимку с тополем и попросили его о помощи, – все они доучились до конца и сделали отличные карьеры. И я один из них.

– То есть вы думаете, что тополь действительно им вам – помог?

Гарин вздохнул. Ли чувствовала, что он начинает злиться.

– Взгляни еще раз на тополь. Что ты видишь? Помимо тополя. (Пауза.) Хорошо, я подскажу. Стальные тросы. Ты видишь их?

– Да.

– Тополь связан с другими деревьями стальными тросами, а в основании его поддерживает бетонный постамент. О чём это нам говорит?

– О том, что его берегут.

Он кивнул.

– Каждый год попечительский совет, в котором со-стою и я, выделяет деньги на проверку состояния то-поля, замену тросов в случае необходимости и про-чие мелочи. Это немалые деньги. Их можно потратить на более важные вещи – закупку книг, ремонт аудито-рий, на что угодно. Но мы тратим их на уход за топо-лем. Возможно, у кого-то из деканов есть сомнения

в целесообразности подобных трат, но они стараются эти сомнения не высказывать. Как ты думаешь, почему?

– Боятся осуждения?

– А боятся почему? Собственно говоря, все на по-верхности. Они могут сколько угодно по-тихому между собой насмехаться над суевериями, но никто не посмеет нарушить установленный сотню лет назад и дав-но укрепившийся ритуал. И даже больше – они знают, что им не дадут его нарушить, знают, что встретят сопротивление. Каждый думает: я, конечно, не верю во все это, но, похоже, все остальные верят, и для них это важно, поэтому мы просто будем и дальше делать то, что делаем. Потому что легенда нашего универси-тета гласит: пока стоит тополь, мы процветаем. И чем активнее мы поддерживаем тополь, тем сильнее верим в это утверждение.

Гарин помолчал, давая Ли подумать над этим.

– А теперь вернемся к моему первому тезису. Почему, как ты думаешь, за всю историю университета ни один студент, проведший ночь в обнимку с тополем-защитником, не был отчислен?

– Преподаватели не хотят нарушать ритуал – в этом дело?

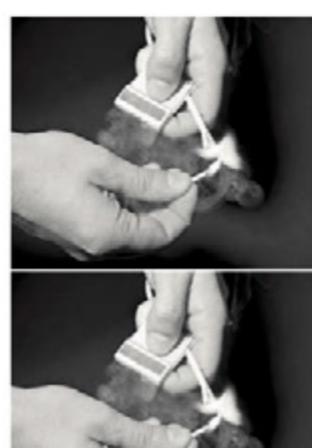
– И да, и нет. Они делают это бессознательно. Устоявшийся ритуал настолько силен, что даже те, кто считает его глупым суеверием, подсознательно все равно стараются его соблюдать. Если кому-то из профессоров сообщить, что его студент провел ночь в обнимку с тополем, профессор, может быть, и не придадст этому значения, возможно, он даже посмеется, но его подсознание, самая древняя часть его мозга, – Гарин похлопал себя по затылку, – обяза-тельно отреагирует. Так уж мы устроены.

Они шли по огибающей тополь дорожке.

– Та же история с Таузэрскими воронами – слышала о них?

Ли покачала головой.

– Примерно в XVII веке в крепости Таузэр в Лондоне поселились вороны, и вместе с их появлением возникла легенда, которая говорила, что,

если вороны покинут Таузэр, Британия падет. С тех пор и по сей день, – Гарин поднял палец, – вороны находятся на довольствии у британской короны. В Таузэре существует должность смотрителя воронов, он тоже получает зарплату из бюджета и, чтобы вороны не дай бог не улетели, иногда подрезает им маховые перья на правом крыле. Подумай только: мы сейчас не о малых народах Микронезии говорим. Бюджет Англии оплачивает, – Гарин загибал пальцы, – науку, медицинские и технологические исследования, армию, строительство дорог и до кучи еще чувака в смешном костюме, который подрезает маховые перья и кормит птиц на чердаке. Потому что миф и ритуал – самые сильные скрепляющие растворы. Попробуй кратко, одним предложением, ответить на вопрос: о чём твоя работа?

Ли задумалась.

– О невидимом искусстве.

– Не только об искусстве. Попробуй мыслить шире. Она об объектах, которые не имеют никакой ценности, кроме символической, ритуальной. Об объектах, которые обрели ценность исключительно благодаря связанным с ними историям, стали чем-то большим. Взгляни еще раз на тополь. Он был просто деревом, а потом превратился в символ. Как и вороны в Таузэре когда-то были просто птицами, а теперь у них есть личный

слуга-человек, который режет им крылья. Постарайся ответить на вопрос: в какой момент простое дерево обретает символическую ценность и почему это происходит? Я думаю, тебе поможет небольшое полевое исследование: попробуй найти хотя бы пару таких объектов в Миссури. Ищи объекты, чья символическая добавочная стоимость давно превысила стоимость фактическую. Найди их и попытайся понять, почему это произошло? В какой момент символ и ритуал вытесняют реальность и подчиняют ее себе?

Слушая Гарина, Ли первым делом вспомнила о шести колоннах на восьмой улице, о которых ей рассказал Адам во время ее первого присыда. Эти колонны – просто символ, они ничего не подпирают, ну или подпирают память о сгоревшем когда-то здании. Ли выяснила, что в США есть еще несколько таких стихийных арт-объектов-погорельцев. Например, в Теннесси, недалеко от городка Одесса, есть чугунная винтовая лестница, которая уцелела после того, как сгорел дотла дом известного поэта; вместе с домом сгорели все – сам поэт, его жена и двое детей, а лестница осталась невредима и до сих пор стоит, наполненная символическим весом трагедии, и остается местом поклонения и паломничества для всех любителей поэзии; поклонники сгоревшего поэта приезжают на место ради ритуала – взобраться ↘

K

на лестницу и, стоя на самой верхней ступеньке, произнадекламировать любимое стихотворение из его посмертного сборника.

Или еще одна похожая история – споревшая типография в городе Тусон, штат Огайо. Во время пожара температура горения была такой, что стальные конструкции между этажами оплавились, провалились в подвал и там образовали нечто похожее на сюрреалистичную фигуру словно слепленного из стали человека, склонившегося под тяжелым весом. Пожарные обнаружили ее, когда разбирали завалы. Фотографии попали в местные газеты – и «найденная скульптура» быстро стала местной достопримечательностью, жутковатой приманкой для туристов. Город Тусон был маленький, скромный, всего 12 тысяч человек, и до пожара все путеводители о нем упоминали вскользь, мол, есть там типография, известная исключительно тем, что в ней однажды напечатали огромный тираж Библии для всего штата и умудрились сделать ошибку прямо на обложке: «Бублия» (в оригинале *Bible*. – А. П.). После пожара все изменилось – теперь город называют родиной «скульптуры, созданной пожаром», и в каждом путеводителе историю появления описывают как невероятный случай почти

божественного вмешательства; атеисты, впрочем, шутят, что это бог обиделся на сотрудников типографии и покарал их за досадную ошибку на обложке своей книги.

Еще один важный для исследования арт-объект ей собирался показать лично Гарин.

– Ты завтра как – свободна? – спросил он, когда она принесла очередной черновик главы о ритуалах. Ли кивнула. – Замечательно. Слышила когда-нибудь о Джозефе Ма? Завтра съездим, покажу. Тебе понравится, это нечто!

Следующим утром он подобрал ее на своем «шевроле» и повез куда-то на юг по шоссе №3, мимо полей, засеянных кукурузой. В пути он говорил без остановки, с каким-то детским энтузиазмом рассказывал о месте, в которое они направлялись:

– Значит, есть такой парень, зовут Джозеф Ма. Сын эмигрантов из Китая. О том, как они бежали в Штаты, я как-нибудь отдельно расскажу, это тоже дикая история. У самого Ма с детства было два увлечения – макеты и фейерверки. Замкнутый в себе, аутичный пацан до шести лет не разговаривал, и врачи считали его слабоумным, хотя на самом деле он просто стеснялся своего акцента. Друзей у него не было, и целыми днями он сидел дома и собирал небольшие деревянные модели домов

и автомобилей. Затем в семидесятых, окончив какой-то захолустный строительный колледж на юге Миссури, он переехал в Сент-Луис, где устроился в фирму, которая занималась демонтажом ветхих зданий. Сама идея направленного взрыва казалась ему очень перспективной; парень, говорят, был просто одержим разрушениями – умел видеть в руинах особую красоту.

За десять лет работы Ма дослужился до начальника бригады и сам стал закладчиком – тем парнем, который закладывает заряды взрывчатки под перекрытия. И в то же время стал набирать популярность как художник, когда в профессиональных кругах пошла мольва о сумасшедшем китайце, который превращает подрыв ветхих сооружений в произведения искусства. Ма научился ювелирно работать с тротилом, гексогеном и нитратом аммония и подрывать здания так, чтобы после того, как осядет пыль, на месте оставались причудливые руины, похожие на слова. Его первые, э-м-м, скажем так, инсталляции в прессе прозвали NO – он снес несколько зданий таким образом, что оставшиеся балки и перекрытия натурально сложились в слово NO; об этом написали в прессе, новость дошла до одного из скаутов галереи Купера-Хьюитта в Нью-Йорке, и Ма предложили организовать выставку. Он согласился – и спустя месяц в галерее появилась его инсталляция – небольшой макет здания, собственно, галереи Купера-Хьюитта в масштабе 1:1000. И все бы ничего, да только макет был слеплен из брусков пластита С4, на столе рядом лежал электродetonатор и записка «Нажми меня», а на стене напротив – экран с симуляцией возможных последствий в случае, если пластит сдетонирует; Ма буквально воссоздал здание галереи в поле, заложил в него заряд и заснял разрушение с нескольких ракурсов; и во время выставки посетители могли видеть на экране, что случится, если они надавят на кнопку электродетонатора. Сложно сказать, что произвело большее впечатление – наличие бомбы или симуляция на экране, но Ма заинтересовалась не только ценители искусства, но

и полиция, и ФБР; он был арестован – кажется, за хулиганство и чуть ли не за терроризм – и предстал перед судом – правоохранительные органы не оценили шутку с заминированным макетом. Хотя некоторые до сих пор считают, что суд был уткой, частью рекламной кампании по раскрутке китайца. И тут надо сказать, что суд действительно был просто уморительный. Только представьте: замгенпрокурора спрашивает: «Скажите, детонатор с запиской «нажми меня» был в рабочем состоянии?» – а Ма ему отвечает: «Я не могу вам сказать, именно в этом смысле – никто не должен знать, рабочий детонатор или нет». И замгенпрокурора ему такой: «Если не ответите на вопрос, вам грозит тюрьма, мистер Ма». Такая вот «уловка 22», понимаешь? Чтобы выйти на свободу, Ма нужно было всего лишь признать, что детонатор на выставке был игрушкой; но это признание разрушило бы смысл его произведения, он не мог предать собственный замысел, ритуал для него был важнее личной свободы – и он промолчал. Ему грозил реальный срок, и пока он ждал приговора, весть о его судьбе разнеслась по арт-кругам со скоростью ежедневных газет. Именно из газет о нем и узнала Маргарет Эйд, дочь владельца фармацевтической сети и коллекционера Кристиана Эйда, известная своими эксцентричными проектами. Она наняла Ма лучшего адвоката, добилась замены уголовной статьи на административную и заплатила штраф. Говорят, у них начался роман, и все дальнейшие инсталляции Ма спонсировала Эйд. В том числе именно она оплатила самый крупный и безумный проект в его карьере – как раз туда мы и направляемся. Он называется PHEP – сокращение с латинского *post hoc ergo propter hoc*: «после того значит вследствие того». На деньги своей любовницы Ма купил огромный участок земли и возвел на нем целый город, в котором при желании можно было бы поселить до десяти тысяч человек. В городе есть все – вода, отопление и электричество в каждом доме, заасфальтированные дороги, рабочие светофоры и даже продукты на полках в супермаркетах настоящие. ✍

↖

Есть только один подвох – весь город заминирован. Почти под каждым зданием заложен заряд. Сам город закрыт, обнесен высоким забором и находится под наблюдением. В нем установлены сотни камер, которые ведут круглосуточные трансляции.

– И в чем идея? – спросила Ли.

– В ожидании. Точнее – в тревожности ожидания. Ма раскидал по улицам, комнатам и подвалам триггеры – электродetonаторы или растяжки, при нажатии на которые запускается цепная реакция, и весь город взлетает на воздух. И поскольку город пуст, запустить триггер может только какое-нибудь совершенно случайное событие и животное – крыса, птица или сильный порыв ветра. Что угодно, понимаешь? Уже три или четыре – я точно не помню – года все больше людей следят за этим проектом. Все ждут, когда он уже рванет. Но он стоит – пустует, ветшает, но стоит – ни один триггер пока не сработал. На самом деле завораживающее зрелище. Любой желающий может прискать и полюбоваться им со смотровой вышки; посмотреть в мониторы, понаблюдать за тем, как ветер гоняет бумаги и листья по пустым улицам.

– Так, погодите, уже четыре года люди ждут, когда заминированный город взорвется?

– Угу.

– Серьезно?

– Ну да. В этом весь смысл: если взрыв и случится, мы никогда в точности не сможем узнать, что именно вызвало детонацию и какой именно триггер сработал. Тут, конечно, куча проблем с законом и безопасностью. Всегда есть риск, что на объект пролезут какие-нибудь оторванные школьники или студенты – нервы пощекотать. Жители городка по соседству, мягко скажем, не в восторге от того, что рядом с ними установлена такая вот бомба замедленного действия, – и плевать, что это как бы произведение искусства. Их протесты и обращения в администрацию, впрочем, пока ни к чему не привели – до сих пор ходят по судам. Но желающих посмотреть на РНЕРН все больше – и каждый приехавший на смотровую вышку турист надеется, что город взорвется прямо у него на глазах. И это самое необычное – представь: ты стоишь на вышке и смотришь на абсолютно пустой город вдали, который может взлететь на воздух в любой момент, но при этом взрыва все ждут уже четыре года. Среди местных даже есть теория, что на самом деле никаких зарядов под городом нет, и никаких триггеров – все это вымысел и тоже часть инсталляции, как и в случае с детонатором на выставке и запиской «нажми меня». Ма как бы играет с нашим восприятием, заставляет нас ждать события, разрушения, которого никогда не случится; и именно это проживание, опыт ожидания катастрофы – и есть цель его искусства. Понимаешь?

Пока Гарин рассказывал, Ли посмотрела на часы и увидела, что они встали. Часы у нее были механические, кварцевые, запаса хода хватало на сутки, и это было неудобно, но она все равно носила их – из своих ↴

К

сентиментальных соображений, это был подарок матери. Заметив, что стрелки не двигаются, Ли начала круить колесико. Гарин посмотрел на нее и поморщился.

— Что ты делаешь?

— Завожу часы.

— Ты куда-то спешишь? Я тебя отвлекаю? — голос его вдруг изменился — стал низким, хриплым, холодным.

— Нет, — сказала Ли.

— Точно нет? Тебе не нравится история про заминированный город?

— Нравится.

— Что-то не похоже. Тебе скучно?

— Нет.

— Ну давай, скажи: «Мне скучно, профессор, вы напоминаете на меня тоску». Давай, скажи.

— Да нет же, я просто...

Его голос изменился — от беззаботного тона не осталось и следа. Он почти кричал на нее.

— Тебя не учили вежливости, да? Или у вас в Северной Каролине это нормально — заниматься своими делами, пока старший перед тобой распинается, как дурак?

Он свернулся на обочину — по днищу автомобиля застучали камешки — затормозил и несколько секунд молчал, просто дышал — тяжело и шумно.

— Когда я говорю, ты слушаешь, понятно тебе?! Для кого я все это рассказываю?!

Снова тяжелая пауза. Ли боялась пошевелиться.

— Уважение! Простое уважение — это все, чего я прошу. Неужели так сложно просто слушать, когда я с тобой разговариваю? Это обыкновенная вежливость! Я для кого все это рассказываю? Для кого?! Я, значит, пытаюсь быть чутким, трачу на тебя свое время, и что я получаю?

— Я... я... — Ли неподвижно сидела в кресле.

— Выходи.

— Что?

— Выметайся из машины.

На мгновение ей показалось, что он сейчас ее вытолкнет или ударит. Она отстегнула ремень и вышла.

— До кампуса двадцать миль по прямой. Пройдись и подумай над своим поведением. И не вздумай ловить попутку, ясно? Ты наказана.

Он надавил на газ, резко развернулся и проехал мимо нее. Она смотрела вслед автомобилю и все ждала, что он сейчас затормозит и сдаст назад. Но через две минуты стало ясно — он не вернется.

До кампуса Ли добралась через шесть часов. Зашла в аптеку, купила пластырь и минералку. Ее бил озноб — от унижения и злости. Хотя она и не могла понять, на кого злится — на Гарина или на себя? Что это было вообще? От этих мыслей становилось дурно. Она вернулась домой, запила минералкой таблетку успокоительного, залезла под одеяло и лежала вот так, разглядывая

отбрасываемые уличным фонарем тени голых веток на потолке, и гнала от себя мысли о том, что ее карьере конец.

Поздним вечером пришла Джоан — последний месяц она вела семинары для бакалавров и возвращалась лишь затемно. Ее одежда — такая стильная и безупречная в начале семестра — уже не выглядела свежей, под мышками темные пятна, из-за учебных нагрузок у Джоан просто не хватало сил и времени следить за тем, чтобы рубашки были постираны и отглажены.

Джоан сходила на кухню, вернулась в комнату, повесила пиджак на спинку стула, открыла банку энергетика, который теперь пила литрами, не меньше четырех-пяти банок в день, сделала глоток.

— Ты что? Заболела?

Ли смотрела в потолок.

— Скажи, профессор когда-нибудь повышал на тебя голос? Грубил тебе?

Джоан подняла бровь.

— Что, прости?

Ли рассказала ей об инциденте на дороге. Она не знала, зачем делится, — просто хотела проговорить обиду, ждала сочувствия. Но Джоан удивила ее:

— Ну и зачем ты мне это рассказываешь?

— Не знаю. Я немного в шоке. Хотела узнать, что ты об этом думаешь.

Снова молчание, за окном прогремел грузовик.

— Я думаю, что, если он накричал на тебя, у него были на то причины, — Ли с удивлением посмотрела на нее, Джоан пожала плечами. — Люди просто так не ругаются, Ли. Тем более проф. Ты же знаешь его — он спокоен как удав. Вообще не представляю, что нужно сделать, чтобы его разозлить. Мне кажется, ты все не так поняла.

— Он высадил меня из машины посреди автострады. Что именно я не так поняла?

Джоан вышла из комнаты. Минуты две гремела на кухне посудой и ящиками. Затем снова появилась в дверном проеме.

— Ты же извинишься перед ним?

— Я?

— Не будь дурой. Ты сама сказала, что плохо слушала его, и он вспылил. По-моему, все очевидно. Уверена, он тебя простит, он добрый.

— Я не говорила, что плохо слушала его! Я сказала, что это он решил, будто я его плохо слушала.

— Это не важно, — Джоан отмахнулась. — Просто извинись, и все будет хорошо.

Спустя еще пару дней Ли набралась смелости и рассказала обо всем Питеру, и по его лицу сразу поняла — он тоже ей не верит.

— Ну не знаю, Ли, — сказал он. — Мне кажется, это как-то, э-эм, нереалистично.

Ли очень устала и уже сама сомневалась в себе — а действительно ли Гарин заставил ее идти двадцать миль пешком по обочине? Звучит и правда дико. Кто поверит в такое? Никаких доказательств, кроме мозолей на пятках, у нее не было, и уже второй человек,

выслушав ее, вставал на сторону Гарина. Ли казалось, что реальность дала трещину. Еще вчера она хотела написать жалобу...

— Жалобу? Серьезно? Давай-ка посчитаем, — Питер начал загибать пальцы, и она заметила, что он копирует жесты Гарина — или во всяком случае старается двигаться, как профессор, подражает ему. — Четыре года в бакалавриате, еще два ради получения магистерской, потом два в докторантуре в Чапел-Хилле. Теперь ты перевелась в Колумбию. Восемь лет труда. И что, хочешь все это похерить? — Ли молчала, голос Питера становился все жестче, он как будто отчитывал ее: — Подашь жалобу и подставишь всех нас. Начнется тяжба, проверки. Ты этого хочешь?

— Что ты предлагаешь — забыть?

— Я предлагаю перестать страдать фигней. Если ты обижаешься на все подряд, возможно, академическая среда — не твое. Проф и взял-то тебя только потому, что верит, что ты особенная, потому что у тебя было видение в пустыне.

— Что, прости?

Питер недолго завис и вдруг не к месту потянулся, явно стараясь принять расслабленный вид.

— Ничего. Решай сама, я все сказал.

Реакция Питера неприятно ее удивила, но в одном он был прав — на кону восемь лет учебы, ее карьера; она так много сил потратила, чтобы оказаться здесь, поэтому устраивать разборки из-за одной вспышки ярости научного руководителя, наверное, неразумно. Больше всего сейчас она боялась потерять место — она поймала себя на мысли, что уже не может представить себе жизнь вне читальных залов и лекционных аудиторий; все эти шутки о том, что люди из академической среды не приспособлены к обычной жизни, — на самом деле не такие уж и шутки, думала она; весь мир за пределами кампуса казался ей огромным, чуждым, холодным космосом, в который не хотелось выходить — как будто за университетским забором не было воздуха и жизни; не было никого, кто позаботился бы о ней. ■

